

main purpose of the article is to determine specific traits characterizing each stage of studies of the preacher's sermons.

Key words: baroque, sermon, Cyril Tranquillien Stavrovetskiy , genre.

УДК 821.111-3

В.Ф. Антонова

ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. КОЛЬРИДЖА

В современной науке интерес исследователей к представителям британского романтизма постоянно растет. Многие учёные занимаются изучением актуальных вопросов, связанных с романтическим направлением, а именно анализом творчества и биографии С. Кольриджа (Е. Малышева, Е. Халтрин-Халтурина.). В связи с этим актуальным является исследование эстетических принципов и специфики их воплощения в поэзии писателя.

Ранняя лирика С. Кольриджа представлена преимущественно сонетами: «Genevieve» («Женевьева») (1789) , «Sonnet: to the river Otter» («Сонет к реке Оттер») (1793) «Pantisocracy» («Пантисократия») (1795) , «To the Nightingale» («Соловью») (1795), «The Eolian Harp» («Эолова арфа») (1795), «The Nightingale» («Соловей») (1798). Одной из ведущих черт, свойственных ранней лирике С. Кольриджа, является соединение темы природы с темами любви, дружбы и красоты. Любовная лирика раннего С. Кольриджа представлена стихами, посвященными его невесте Саре Фрикер «The Kiss» («Поцелуй») (1794), «The Sign» («Вздых») (1794). Здесь присутствует ожидание счастья, поданное в замысловатой форме, которое, тем не менее, омрачено смутным ощущением его невозможности.

В своем творчестве С. Кольридж часто обращается к природе. Так, стихотворение «To Nature» («Природе») (1820) , написанное в поздний период творчества поэта, которое можно рассматривать как эстетический манифест С. Кольриджа, является программным в развитии темы природы в творчестве поэта. С. Кольридж искал общий принцип, по которому развиваются и природа и человек. Таким принципом для него стал принцип органического единства духа и природы. Этот принцип предопределяет общность черт объективного мира природы и субъективного мира человека. Чувство личной причастности к несчастьям людей у романтического поэта-пророка оттеняется желанием сосредоточиться на самом себе, сконцентрировать свою волю и энергию сильной личности для преодоления суеты жизни. Однако жизнь, полная тревог и переживаний, вторгается в мир поэта. Карательные действия английских

войск в Ирландии вызвали возмущение многих мыслящих людей того времени. С. Кольридж, болезненно реагирующий на жестокость и любые формы деспотии, откликнулся на эти события военной эклогой «Fire, Famine, and Slaughter» («Огонь, Голод и Резня») (1798). В отличие от античных эклог, изображающих мирные пастушеские беседы, в драматической поэме С. Кольриджа участвуют три сестры-ведьмы: Огонь, Голод и Резня, которые представляют Питта как вдохновителя всех несчастий, зверств и мучений, выпавших на долю простого ирландца. Дьявольские силы тьмы и жестокости выступают в этом произведении в убедительных образах трех ведьм, являющихся исполнителями воли Питта. Натуралистические детали и подробности в рассказах трех ведьм полностью уничтожают поэтическую оболочку античной идиллии. Показательно, что уже в 1797 году С. Кольридж обращался к теме возмездия за содеянное зло, правда, в народно-символических образах сказки (рождественская сказка «The Raven» («Ворон») (1797) имеет подзаголовок – «Сказка, рассказанная школьником его братьям и сестрам»). Однако рождественскому характеру стихотворения «Ворон» совершенно не соответствует мрачный колорит повествования и образ главного героя – черного ворона, состоявшего при «ведьме печали слугой» («belonged to the witch Melancholy») (73, с. 92) (Перевод В. Рогова). Фантастически-гротескная ситуация – постройка корабля из огромного дуба, служившего вороньятам домом, радость ворона, увидевшего гибель судна, – трагически подчеркивают мысль автора о том, что за совершённое против природы зло обязательно последует возмездие. Разрешение конфликтной ситуации С. Кольридж видит в сказочном варианте. Причем грозное возмездие – не дело рук человеческих, а слепого рока, проявившего себя в действии. Несомненно, что в этом произведении С. Кольридж выступает в качестве сатирика. Размер популярного народного доггерела в другом произведении поэта «The Devil's thoughts» («Мысли дьявола») (1799) даёт возможность С. Кольриджу еще больше углубить сатиру, придать ей социальную, реалистическую направленность. В отличие от сказочной аллегоричности «Ворона», в этом произведении поэт дает развернутые бытовые зарисовки. Натуралистические подробности, гротескный образ самого дьявола, франтовато, по-воскресному одетого: «his jacket was red and his breeches were blue, and there was a hole here the tail came through» («в сюртуке из алого сукна, а в штанах дыра для хвоста видна») (3, с. 124) (Перевод В. Рогова) подчеркивают антиклерикальные и оппозиционно-критические настроения С. Кольриджа, высмеивающего английских тюремщиков, адвокатов, аптекарей, святош и ханжей, общение с которыми приносит дьяволу явное удовлетворение. По остроте критики и злости сатиры это произведение предвосхищает раннюю балладу П. Шелли «Прогулка дьявола» (1812), а также «Поездку дьявола» Дж. Байрона (1813).

В своих произведениях автор также опирался на фольклорные жанры. Рассмотрим как жанры народного творчества коррелировали с мировоззрением С. Кольриджа, уделяя внимание сюжету, специфике портретного изображения

лирического героя, особенностям пейзажа, хронотопу и другим поэтологическим средствам в произведениях автора.

Период 1797–1802 – время, наиболее плодотворное в творчестве С. Кольриджа, были созданы самые известные и значительные произведения поэта: «The Rime of the Ancient Mariner» («Сказания о Старом Мореходе») (1797), где автор использует балладную традицию, «Christabel» («Кристабель») (1797), «Kubla Khan» («Кубла Хан») (1798), «France» («Франция») (1798) и другие. Особенностью баллад является их сжатый, касающийся только кульминационных моментов сюжета стиль изложения. Действие переходит от одной сильной сцены к другой, оставляя в стороне многие описательные подробности. Так, например, в «Кубла-Хане» С. Кольриджа необычайно яркие, живописные экзотические образы следуют друг за другом без логически объяснимой связи.

«Сказание о старом Мореходе» представляет собой стилизацию средневековой баллады, с преобладанием сверхъестественных ужасов, с множеством повторов и аллитераций. Такой прием дал возможность С. Кольриджу избежать монотонности, столь свойственной для «классической» баллады, выразить большую драматическую напряженность действия. Фольклорный символизм и философичность поэтического откровения «Сказания о старом Мореходе» прослеживаются в образности произведения, поражая новизной и конкретностью. Атмосфера повествования также средневековая: арбалет, из которого был убит альбатрос, громкие звуки фягота, процессия веселых менестрелей – все это атрибуты старинной баллады. Место действий также не определено, и только слово «kirk» (шотл. «церковь») содержит указание на порт, из которого вышел корабль, находящийся где-то на севере – родине баллад. «Сказание о старом Мореходе» является не только малой эпической формой, как народные баллады, но представляет собой сложную историю больной души. В этом и заключается значительное отличие между балладами С. Кольриджа и народными балладами, в которых психологизм используется лишь для усиления трагизма повествования. Фантастическая часть не является частью сверхъестественного мира баллад, но выступает как выражение больного, чувствующего сознания. Эффект от производимых С. Кольриджем духов или призраков в значительной степени отличается от других романтических легенд и баллад. Фантастические существа выглядят более реально и осязаемо, чем их народные предшественники.

Поэтический талант С. Кольриджа, яркого представителя британской романтической школы, проявился в «Кристабели». Здесь отчетливо ощущается интерес поэта к народному творчеству и, прежде всего, к народной балладе. В поэме автору удается достичь слияния музыкального, зрительного и словесного начал в поэзии, к чему так стремились многие романтики. Из средневековой литературы были использованы приемы сюжетного построения, основанного на столкновении двух противоположностей. Обращение к средневековому

сюжету для автора было не только данью моды, средневековая тематика помогла осуществить эксперименты в области формы и системы стихосложения. Через атмосферу Средневековья С. Кольридж обращается к народной мудрости, преданиям и верованиям.

Время в британской сказочной традиции имеет свою скорость протекания, свои временные единицы: календарное время с чередованием времен года и соответствующими сезонными работами. Это единицы обычного житейского времени, которое укладывается в границы жизни любого человека и его рода с привычными рожденьями, женитьбами – свадьбами и похоронами – смертями. В обычном житейском времени герой или героиня сказок выполняют обычный алгоритм действий. Однако романтические героини нередко находятся вне времени, вспоминая о прошлом отдалённо, намеками, как о чем-то роковом и тайном. Проблема времени у автора переносится в некий метафизический план, где прошлое приобретает качество отдаленного, не связанного с настоящим, выпавшего из мира пространства, обладающего мистической значимостью, как таинственные и непостижимые миры. Вторжение потусторонней вечности непременно вызывает убыстрение хода времени в реальном мире, приводя либо к гибели, либо к состоянию условной смерти, аналогичному тому, в котором находится старый Мореход С. Кольриджа после убийства альбатроса – символа иррациональной стихии. Таким образом, особенностью романтической трактовки сакрального пространства является установление тесной связи с психологией героя, которая выступает как проекция, материализация видений, порожденных нечистой совестью, грехом.

Сквозным сюжетом, унаследованным от сказочного канона, является сюжет-испытание. Персонаж С. Кольриджа «The Rhyme of the ancient Mariner» («Сказание о старом Мореходе») (1797) подвергается испытанию, которое обрушивает на него мстящая стихия за альбатроса, убитого старым Мореходом: «All in a hot and copper sky, //The bloody Sun,at noon, // Right up above the mast did stand, //No bigger than the Moon» (4, с. 190) («Горячий медный небосклон// Струит тяжёлый зной.// Над мачтой Солнце всё в крови, //с Луну величиной») (3, с. 10) (Перевод В. Левика).

Романтический герой отличается стремлением к свободе, что отсутствует у героя волшебной сказки, он отягощен зависимостью от отрицательных сил «иномира». Главный герой произведения С. Кольриджа «Сказание о старом Мореходе», будучи отягощённым зависимостью от потусторонних сил, тем не менее, выбирает путь к искуплению, благословив и полюбив окружающий его мир: «O happy living things! no tongue//Their beauty might declare://A spring of love gusht from my heart, // And I bless'd them unaware! Sure my kind saint took pity on me, //And I bless'd them unaware» (4, с. 198) («О, счастье жить и видеть//То выразить нет сил! Мир//Я ключ в пустыне увидел//И жизнь благословил.//Я милость неба увидел–//И жизнь благословил») (3, с. 9) (Перевод В. Левика).

Ранние британские романтики, в том числе и С. Кольридж уделяли большое внимание описанию внутреннего мира своих героев, их душевным переживаниям. Действия и события в балладах как бы спроектированы на выявление духовных качеств героев. Например, персонажи С. Кольриджа отличаются сложным психологическим портретом. Так, главный персонаж «Сказания о старом Мореходе», измученный своими странствиями и особенно внутренними переживаниями, напоминает смерть: «I fear thee, ancient Marinere!!! I fear thy skinny hand;///And thou art long and lank and brown// As is the ribb'd Seasand.//I fear thee and thy glittering eye// And thy skinny hand so brown»—//Fear not, fear not, thou wedding guest!!! This body dropt not down» [4, с. 192] («Твои глаза горят!!! Страшна твоя иссохшая рука.// Твой мрачен взор, твой лик темней прибрежного песка.// Боюсь твоих костлявых рук, твоих горящих глаз!») (3, с. 15) (Перевод В. Левика). Герой смог испытать облегчение, лишь очистившись духовно: «My lips were wet, my throat was cold,/// My garments all were dank;///Sure I had drunken in my dreams// And still my body drank» (4, с. 193). («Язык мой влажен, рот мой свеж, до нитки я промок, и каждой порой тело пьёт животворящий сок») (3, с. 18) (Перевод В. Левика). В балладе нет особого лирического героя, рассказ ведется от лица постороннего наблюдателя. Лирическое начало жанровой структуры баллады связано с эмоциональным настроением повествования, отражающим авторское ощущение изображаемой эпохи и выражающим лирическое самосознание поэта. Активное отношение художника к событию проявляется во всей эмоциональной атмосфере баллады, но сильнее всего оно обычно проступает в зачине или в финале баллады, как бы обрамляющих ее событийный сюжет и тем самым поддерживающих тот или иной эмоциональный настрой произведения. Романтическому герою присуще ощущение ценности и независимости человеческой личности, её внутренней свободы. В романтической балладе внутренние ощущения преобладают над внешними.

Таким образом, в романтических произведениях поэта прослеживается попытка переосмыслить место человека в мире. Преобразившись в творчестве С.Кольриджа, стилистика, образы, мотивы, сюжеты как народной, так и литературной баллады стали общим достоянием британской поэзии.

Литература

1. Кольридж С. Т. Стихи / Сэмюэл Тейлор Кольридж. — М.: Наука, 1974. — 280 с.
2. Малышева Е. И. Функция образа — символа в поэзии С. Т. Кольриджа : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» / Малышева Елена Игоревна. — Нижний Новгород, 2003. — 23 с.
3. Халтрин-Халтурина Е. В. Мальтийская страница жизни Колриджа / Е. В. Халтрин-Халтурина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — М., 2005. — № 5. — С. 56—60.

4. Coleridge S. T. The complete poetical works. Vol. 1 / Samuel Taylor Coleridge. — New York : Adamant Media Corporation, 2007. — 492 p.

Анотація

С. Кольридж трансформував жанр балади, додавши в неї поєднання фантастики і дійсності. Більшість його творів написана віршованим розміром англійських народних балад, з прийомами форм-повторень, що відповідало народним традиціям. В цілому, поезія автора об'єднує музичні, словесні і мальовничі можливості з метою повнішої передачі почуттів, настроїв, душевного стану людини.

Ключові слова: жанр, поезія, народні балади, фантастика, народні традиції.

Аннотация

С. Кольридж трансформировал жанр баллады, добавил в неё сочетание фантастики и действительности. Большинство его произведений написаны стихотворным размером английских народных баллад, с приёмами форм-повторений, что соответствовало народным традициям. В целом, поэзия автора объединяет музыкальные, словесные и живописные возможности с целью более полной передачи чувств, настроений, душевного состояния человека.

Ключевые слова: жанр, поэзия, народные баллады, фантастика, народные традиции.

Summary

S. Colridge transformed the genre of ballad, adding combination of fantasy and reality to it. His most works are written in verse size of the English folk ballads, with the receptions of forms-reiterations, that corresponded to folk traditions. On the whole, the poetry of author unites musical, verbal and picturesque possibilities with the purpose of more complete transmission of feelings, moods, emotional state of man.

Keywords: genre, poetry, folk ballads, fantasy, folk traditions.